

Калмыцкий научный центр РАН,
Московский педагогический государственный университет,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
С.С. Ипполитов

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 3(78) ' 2026

Москва

2026

Д.М. Цыганов

**«КАКАЯ РАЗНИЦА,
КТО ИМЕННО ПОРТИТ НАШУ ЛИТЕРАТУРУ?!»:
ЮРИЙ ОЛЕША, ЛУИ СЕЛИН, ЖАН ЖИРОДУ И ПРОБЛЕМА
РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В 1920–1930-Е ГГ.***

Аннотация

В статье подробно анализируется парадоксальное суждение П.А. Павленко, согласно которому Ю.К. Олеша в своих прозаических текстах «не самостоятелен» и «во многом идет от Селина». Основной тезис статьи заключается в том, что эта реплика – не просто фактологическая ошибка, а симптом сложной идеологической и эстетической борьбы 1920–1930-х гг. В центре этой борьбы находились вопросы о *реалистической* литературной форме и границах творческого эксперимента. В статье намечаются контуры рецепции романа Л.-Ф. Селина «Путешествие на край ночи» в СССР в 1930-е гг., включая не только его переводы, обсуждения в прессе, но и, что особенно важно, подробную рецензию самого Олеша 1936 г. В ней советский писатель признает мощь Селина как художника, но осуждает его цинизм и отсутствие положительного идеала, тем самым вписываясь в риторическую рамку, сформированную множеством опубликованных к тому моменту откликов. Анализ широкого интеллектуального контекста позволяет прийти к выводу, что обвинение Павленко, основывавшееся на более ранних сравнениях «Зависти» и «Школы равнодушных» Ж. Жироду, оказалось сознательным полемическим жестом, целью которого было не уличить оппонента в эпигонстве, а дискредитировать Олешу, связав его стиль с «вредным» и «разлагающим» влиянием западной литературы. Отрицая саму идею теоретизации художественной формы, Павленко оценивал экспериментальный подход к поэтике как попытку «порчи» советской литературы. Таким образом, избранный эпизод не только обнажает механизмы идеологической сегментации литературного поля, но и проблематизирует область теоретических споров, часто оценивающихся как бессодержательные и, следовательно, несущественные.

Ключевые слова

Реалистическая литературная форма; советская эстетическая теория; дискуссия о реализме; социалистический реализм; Петр Павленко; Юрий Олеша; Луи-Фердинанд Селин; Жан Жироду.

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 25-18-00196, <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>).

D.M. Tsyganov

**“WHAT DIFFERENCE DOES IT MAKE
WHO EXACTLY IS RUINING OUR LITERATURE?!”:
YURI OLESHA, LOUIS CÉLINE, JEAN GIRAUDOUX, AND
THE PROBLEM OF *REALISTIC* FORM IN THE 1920S AND 1930S****

Abstract

This article analyzes in detail Pavlenko's paradoxical assertion that Olesha's prose writings are “not independent” and “in many ways follow the example of Céline”. The article's main thesis is that this remark is not simply a factual error, but a symptom of the complex ideological and aesthetic struggle of the 1920s and 1930s. At the center of this struggle were questions about realistic literary form and the limits of creative experimentation. The article outlines the reception of Céline's “Journey to the End of the Night” in the USSR in the 1930s, including not only its translations and press discussions, but also, crucially, Olesha's own detailed 1936 review. In it, the Soviet writer acknowledges Céline's power as an artist but condemns his cynicism and lack of a positive ideal, thereby fitting into the rhetorical framework established by numerous reviews published by that time. An analysis of the broader intellectual context suggests that Pavlenko's accusation, based on earlier comparisons between “Envy” and Jean Giraudoux's “The School for the Indifferent,” was a deliberate polemical Jean, the purpose of which was not to accuse his opponent of epigonism but to discredit Olesha by linking his style to the “harmful” and “corrupting” influence of Western literature. Rejecting the very idea of theorizing artistic form, Pavlenko assessed the experimental approach to poetics as an attempt to “corrupt” Soviet literature. Thus, the selected episode not only reveals the mechanisms of ideological segmentation of the literary field but also problematizes the realm of theoretical debate, often dismissed as empty and therefore irrelevant.

Keywords

Realistic literary form; Soviet aesthetic theory; debate on realism; socialist realism; Pyotr A. Pavlenko; Yuri K. Olesha; Louis-Ferdinand Céline; Jean Giraudoux.

Зачем нам проза ясная?
Зачем стихи понятные?
Зачем нам пьесы новые
На тему о труде?
Подай Луи Селина нам...

С.А. Васильев.
Без кого на Руси жить хорошо (1949)

В мемуарной книге писатель С.А. Баруздин (1926–1991), запятнавший себя выступлением с критикой Б.Л. Пастернака на общемосковском собрании

** The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 25-18-00196, <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>).

литераторов в 1958 г., привел следующие слова прозаика, драматурга и публициста С.А. Дангулова (1912–1989):

<...> Одной из самых любимых книг была «Зависть» Ю. Олеши, – по-моему, я знал ее наизусть. <...> Считал Олешу непревзойденным мастером точного языка. Завидовал образности этого языка, его изяществу. Как-то, уже в «Красной звезде» признался в этом П.А. Павленко. Тот сказал, что Олеша не самостоятелен, он во многом идет от Селина. Я не знал Селина и не возразил. А жаль. Позже, когда узнал Селина, понял, что Павленко был несправедлив к Олеше [Баруздин 1978, 192].

Парадоксальность и даже намеренная (?) ошибочность этого мемуарного свидетельства очевидна и в аргументации не нуждается, – ясно, что Ю.К. Олеша (1899–1960), к началу 1930-х уже написавший и опубликовавший свои «главные» тексты – «Зависть» (опубл.: Красная новь. 1927. № 7, 8) и «Три толстяка» (М.; Л.: Земля и фабрика, [1928]), попросту не мог «идти от Селина», который дебютировал во Франции лишь в 1932 г. Однако этот, на первый взгляд, не нуждающийся в подробном рассмотрении «фантазм» П.А. Павленко, на деле обнаруживает весьма прихотливый контекст относительно свободной эстетико-теоретической дискуссии о принципах творчества и природе *реалистической* литературной формы, развернувшейся в 1920–1930-е гг. Именно тогда, когда попытки распространить идеи по преимуществу немецких теоретиков художественной формы и применить их к материалу (до)советской литературы обернулись неудачей (стоит иметь в виду, прежде всего, весьма сдержанную реакцию интеллектуального сообщества на появление сборника статей «Проблемы литературной формы» (Л.: Academia, 1928) под ред. В.М. Жирмунского), социологическая («марксистская») линия в культурной теории постепенно начала превалировать, делая некогда выключенные из актуального поля вопросы эстетики и философии творчества менее специальными [Галушкин 1992; Галушкин 2000; Марксизм и формальный метод 2001; Tihanov 2000]. Поэтому дискуссия эта оказалась специфической по способу организации: втянутыми в нее оказались не только литературные критики и писатели, чьи тексты служили предметом обсуждений, но и теоретики искусства, ученые и философы, параллельно занимавшиеся рассмотрением смежных вопросов культурного производства. Иными словами, полемика обустраивалась сразу на нескольких дисциплинарных уровнях, а реплики ее участников приобретали как бы множественную адресацию. В этой обстановке даже самая выхолащенная политическая инвектива получала теоретическое измерение и становилась весомым интеллектуальным жестом вне зависимости от изначального замысла ее автора.

Влияние французской литературы на *современное* состояние советской культуры подверглось проблематизации уже в середине 1920-х [Гальцова 2013; Гальцова 2015; Цыганов 2024a], когда первичный прообраз «пролетарской» эстетической теории приобрел до некоторой степени четкие очертания, а критерийный аппарат критики обзавелся политико-идеологической базой. Это сделало возможным формализацию в публицистическом дискурсе категорий «полезного» и «вредного» влияния той или иной литературной традиции на искусство «становящегося класса». Эстетическая смежность советских

и западных художественных практик в такой критериальной рамке расценивалась как культивация деструктивных тенденций в искусстве и неприкрытая *контрабанда фашизма*.

Долгое время считавшаяся утраченной рукопись дебютного романа Л.-Ф. Селина (1894–1961) «Путешествие на край ночи» (*Voyage au bout de la nuit*, 1932) была закончена к весне 1932 г. Однако автору не сразу удалось заручиться согласием издателей на его публикацию. После неудачной попытки напечатать роман в издательстве «Галлимар» (*Éditions Gallimard*) Селин отправил текст «Путешествия...» Роберу Деноэлю (Robert Denoël, 1902–1945), чье кооперативное издательство существовало лишь второй год. 1 ноября 1932 г. – еще до появления романа на прилавках парижских книжных магазинов – Селину присудили премию Теофраста Ренодо. В мае 1943 г. Селин продал рукопись коллекционеру Этьену Бинью (1891–1950), после чего она на долгие годы исчезла, но обнаружилась вновь в 2001 г. на аукционе в Hôtel Drouot – торги выиграла Национальная библиотека Франции, где рукопись сейчас и хранится. В 2016 г. вышло факсимильное издание обретенной рукописи [Céline 2016].

«Путешествие...», вышедшее тиражом 3000 экземпляров в парижском издательстве «Denoël et Steele» в середине октября 1932 г. и ставшее заметным событием в европейском литературном контексте 1930-х гг., почти сразу оказалось фактом советской культурной и общественно-политической жизни [Цыганов 2024с]. 10 ноября 1932 г. П.П. Сувчинский (1892–1985) в постскрипуме к письму М. Горькому (1868–1936) из Парижа писал о необходимости перевести «Путешествие...» на русский язык:

Знаете ли Вы книгу L.-F. Céline: *Voyage au bout de la nuit*? Мне кажется, она очень замечательная, и ее нужно было бы перевести на русский. Во всяком случае она очень показательная ([Письмо П.П. Сувчинского к М. Горькому], 10 ноября 1932 г. // АГ ИМЛИ. КГ-П 74-1-21).

А уже 4 января 1933 г. «большой друг Советского Союза» Р. Роллан писал Горькому о «внезапной, неожиданной популярности <...> страшной (в смысле “страшно жестокой”) книги новичка в литературе, врача, обладающего большим, но горьким талантом, по имени Селин (д-р Детуш) – “Путешествие на край ночи”» [Архив... 1995, 247]. Вопрос об издании романа по-русски стал фактически делом времени [Цыганов 2024b].

В короткое время роман был переведен на русский язык и дважды издан в Гослитиздате – первое издание вышло тиражом 6 000 экз. (отв. ред. издания была З.А. Вершинина (1873–1942), техническим редактором – Н.И. Гарвей (1867–1941); том был подписан к печати в шестнадцатой типографии треста «Полиграфкнига» 27 января 1934 г.), а второе – 15 000 экз. (отв. ред. издания была З.А. Вершинина, техническим редактором – З.А. Лифшиц (1905–?); том был подписан к печати в типографии Профиздата 14 декабря 1934 г.). Годом позже фрагменты из романа в переводе и с предисловием некогда близкого к кругу французских дадаистов и тесно дружившего с Олешей С.М. Ромова (наст. имя – Соломон Давидович Роффман, 1883–1939) [Люкшин 2023] были напечатаны в библиотеке «Огонька» (№ 36 (879)) тиражом 40 000 экз. (отв. редактором издания был Е.Д. Зозуля (1891–1941), техническим редактором –

А.Д. Гуревич (1906–1967); том был подписан к печати в типографии Жургазобъединения 16 июня 1935 г.). Растянувшееся на два года появление романа в советской печати активно обсуждалось в прессе; из множества опубликованных в газетах и «толстых» журналах статей и рецензий упомянем следующие: [Бочачер 1934; Выгодский 1934; Гальперина 1934; Левилов 1934; Лейтес 1934; Соболевский 1934; Фрид 1934].

Среди откликов на «Путешествие...» заметка Олеша ««Путешествие на край ночи» (роман Л. Селина)», напечатанная 25 октября 1936 г., в очередном номере «Литературного обозрения» в рубрике «Литература о “погибшем поколении”», выделялась не только контекстуально, но и содержательно. Несмотря на то что эта заметка вписывалась в актуальный ряд публицистических материалов о творчестве Селина середины 1930-х гг., ее появление с существенной задержкой – более чем через два с половиной года после выхода книги по-русски – заставляет воспринимать это выступление Олеша в печати как реплику в более масштабном споре, по преимуществу связанном с теоретическими проблемами «основного метода» советской культуры, которые наметились в ходе кампании по борьбе с «формализмом», – *романного жанра, классического стиля, реалистической формы*. Заметка была написана сухо и не фокусировалась на политической интриге вокруг имени Селина, чем выгодно выделялась на фоне печатавшегося тогда, ср.: [Дижур 1936; Лейтес 1935; Никулин 1935; Е.Г. 1936]. «Это художник необычайной силы» [Олеша 1936, 13], – так Олеша в первой строке охарактеризовал автора «Путешествия...». И далее:

Никакой вычурности в Селине нет. Он полностью реалистичен. Склонности к игре метафорами он не проявляет.

Еще раз хочется сказать, что это необычайно сильный художник. Кажется, что нет такой вещи, для описания которой у него не нашлось бы средств. Солдат встречается со своей матерью. Это бедная женщина. Как она относится к войне?

«В сущности она думала, что маленькие люди вроде нее для того и были созданы, чтобы страдать от всего, что это и было их ролью на земле, и что если дела так плохи в последнее время, то это, должно быть, оттого, что они, маленькие люди, что-нибудь такое набедакурили... Должно быть, наделали глупостей, конечно, не нарочно, но все-таки они были виноваты, и надо быть благодарными уже за то, что им давали возможность страданиями искупить их недостойные поступки...».

Роман не разделен на главы.

Французская проза всегда связывается в нашем представлении с изяществом конструкции и фразы. В этом смысле «Путешествие на край ночи» не похоже на французские романы. Да и вообще это нельзя назвать романом. Это больше, чем роман, грубее и страшнее.

Чтение этой книги вызывает чувство угнетения.

Европа боится смерти. Это болезнь капиталистического мира, его психоз. Книга Селина навязывает читателю страх смерти.

Книга начинается с изображения войны.

С первых же страниц определяется одно из основных душевных качеств автора – цинизм. В бою гибнет офицер. <...>

Автор ненавидит войну. Это естественно. Но разве есть смешное или жалкое в смерти храброго человека?

Луи Фердинанд Селин по профессии – врач. В книге своей он описывает время, когда он работал врачом в одном из предместий Парижа. <...>

Читая Селина, я задавал себе вопрос, каков же моральный облик его героя?

Этот моральный облик отвратителен.

Он и сам не скрывает этого. Вот он встречается в Африке с сержантом Альсидом. У сержанта есть в далекой Европе племянница. <...>

Сержант воспитывает племянницу. Из скудного жалования он сберегает деньги и посылает их в Европу.

«Я не знал, что ему отвечать, – пишет Селин, – я был не компетентен в таких вопросах, но он до такой степени превосходил меня сердцем, что я покраснел, как рак».

Селин не компетентен в вопросе о добрых делах. <...>

Не видно, когда человек делает добрые дела. Нежность? Этого не видно!

При участии врача совершаются уголовные преступления. У него друг, способный на любую подлость.

Только похоть вызывает в нем женщина. Нашему читателю, привыкшему к целомудренной литературе классиков, чудовищными покажутся высказывания Селина о женщинах.

Часто говорит Селин об одиночестве. Его никто не любит. Ему и не нужна ничья любовь. <...>

Достоен ли он любви?

– У женщин душа прислуги, – говорит он. Только в сторону уродливого обращены глаза этого писателя. Люди-уроды, вещи-уроды, события-уроды, труд-урод. <...>

Кому сочувствует Селин?

Ведь если даже мысль не высказана прямо, то по тому, какие подбраны эпитеты, можно угадать отношение автора к тому или иному объекту. Если автор ненавидит капитализм, то, казалось бы, те, кто обездолен капитализмом, должны вызывать сочувствие автора. Однако этого нет! <...>

Великое значение книги Селина в том, что она является правильной, безжалостной картиной распада капиталистического мира. Как правильно сказал один из критиков (И. Анисимов), «роман Селина представляет гигантскую фреску современной жизни». Это именно фреска. Это похоже на пугающие воображение картины ада, которые создал Микель-Анджело <sic!>.

Есть ли еще подобная книга в литературе?

Во всяком случае, в одном отношении она есть пример единственный и неслыханный. Не было никогда в мировой литературе книги, в которой автор, изображая отрицательное, сам сливался бы полностью с этим отрицательным. В этом есть какое-то осквернение литературы, как проявления человеческого духа.

Селин подвергает критике капиталистический мир. Нет ничего светлого в этом мире. Ни природы, ни чувства, ни поступка. Все отвратительно, жалко, ужасно, грязно, аморально, преступно.

В этой критике положительное значение книги. С такой силой не выражал своей ненависти к капиталистическому миру еще ни один художник.

Но тут мы возвращаемся к положению об участии автора в том отрицательном, что подвергает он критике. Возвращаемся к облику самого автора. Ведь нам известны примеры писателей Запада, которые, постигнув ужас окружающего их мира, стали бойцами. Они протестуют, ищут выхода. Когда читаешь их книги и участвуешь в судьбе героев этих книг, то в душе появляется сочувствие, жалость. Такие чувства вызывают, например, книги Хэмингуэя <sic!>.

Селина не жаль. Селин циничен.

Жизнь в капиталистическом мире он назвал путешествием на край ночи. Но и сам он есть часть этой ночи, призрак. Недаром в одном месте он пишет, что он привык к своему бреду.

Задумывается ли Селин исторически над тем, что окружает его? Нет! Он хочет быть одиноким. Сознание того, что никто не любит его, носит у него характер чрезвычайно энергический, активный. Это бывает у очень эгоистических натур.

Автор видит, что жизнь безумна, но понять причины, превращающие ее в безумие, он не хочет.

И тем страшней эта книга!

Капиталистический мир уродует людей. Книга Селина показывает, как изуродован капиталистическим миром художник! Художник отказывается от главного, что есть в призвании художника. Скажем старомодные слова, которые звучат в наше время совсем по-иному. Это слова о том, что художник должен звать, воодушевлять, человека. Должен учить надеяться, ждать, верить.

Для человека Запада есть только один источник надежды. Лучшие люди уже увидели его. Они знают, что безумие мира прекратится с концом капитализма. Селин отравляет человека. Истина, – говорит он, – это бесконечная предсмертная агония. Истина этого мира – смерть.

Селин сказал правду о капиталистическом мире, но книга его никуда не направлена. В ней много ненависти и ни тени героизма [Олеша 1936, 13–15].

Прагматика этой заметки не вполне ясна; хотя патетика ее во многом созвучна частным восторженным оценкам, то и дело возникавшим в советском публичном поле. Отметим, что Олеша, характеризуя роман Селина, отчасти принял сторону И.И. Анисимова – автора двух разных по тону предисловий к двум же изданиям романа 1934 г., чье настояние о необходимости опубликовать перевод «Путешествия...» из обстановки 1936 г. уже не виделось политически оправданным и с легкостью могло быть расценено как «контрреволюционный» жест. Однако Анисимов, несмотря на нависавшую угрозу, оставался на прежних идейных позициях, о чем свидетельствует хотя бы лекция «Литература буржуазного распада», прочитанная в ИКП литературы 25 сентября 1937 г. (стенограмму этой лекции см.: АРАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 96).

В оценках романа и его автора Олеша был не оригинален, потому как скорее емко обобщил уже написанное до него, тем не менее несколько сместив

акценты. По всей видимости, Олеша – как и многие тогда – был увлечен Селином и, как представляется, в кругах профессионально и дружески близких людей этого увлечения не скрывал – ср., например, следующий фрагмент из его более ранней статьи «Беседа с читателями», напечатанной в «Литературном критике» в декабре 1935 г.:

Мне скажут, что писатель, живущий в условиях капиталистического Запада, не может утверждать, что жизнь прекрасна. Я согласен, но тогда, значит, нам, советским писателям, нечему учиться ни у Джойса, ни у Хемингуэя, ни у Селина. Таланту ведь научиться нельзя! [Олеша 1935, 165].

Об этом же А.А. Фадеев (1901–1956) за день до появления в «Литературном обозрении» рецензии Олеша – 24 октября 1936 г. – писал вышеупомянутому П.А. Павленко (1899–1951) о «прекрасных» текстах Дос-Пассоса, Хемингуэя и Селина, которые все же «не могут быть <...> примером» [Александр Фадеев... 2001, 51]. А к концу 1936 г. литфункционеры Союза писателей уже открыто высказывались о преждевременности осуществленного перевода и публикации «Путешествия...». Так, на совещании критиков-коммунистов ССП, состоявшемся 21 декабря (неправленную стенограмму совещания см.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 18. Ед. хр. 44. Л. 1–18; на нем присутствовали С.С. Динамов (1901–1939), Г.О. Лукач, И.К. Луппол, И.С. Нович (наст. имя – И.С. Файнштейн, 1906–1984), И.М. Нусинов (1889–1950), П.Д. Рожков (1900–1941), Я.Н. Секерская (1903–1984), В.П. Ставский и А.Б. Хашин (наст. имя – Цви Авербух, 1888–1938)), Ставский заметил: «<...> переводы и практика переводов вызывает большие сомнения. Почему переводятся авторы типа Селина, и почему ограничиваются только такой литературой <...>» [Между молотом... 2011, 582].

Меж тем, все эти историко-литературные хитросплетения не проливают свет на смысл того мемуарного свидетельства, которым начата настоящая статья. Очевидно, что существенным поводом к обвинению Олеша, по-видимому, была творческая *зависть* соцреалиста П.А. Павленко – автора эпигонского романа «Баррикады» (опубл.: Новый мир. 1932. № 6, 7–8) о Парижской коммуне 1871 г. – к литературной славе Олеша, чьи книги высоко ценились не только в СССР, но и за его пределами. (Так, в 1939 г. в рецензии (опубл.: Europe. 1939. № 198) на французский перевод набокковского «Отчаяния» (Paris: Gallimard, 1939) об Олеше как об «изошренном» потомке Достоевского написал Жан-Поль Сартр. Тогда как о «выдающихся» повестях и романах Павленко Сартр, насколько нам известно, не написал ни слова.) Примечательно, что после публикации переведенного на русский язык романа Селина Павленко взялся за доработку своих «Баррикад», вышедших к 1934 г. четырьмя изданиями (сперва в «Федерации», а затем в «Издательстве писателей в Ленинграде», «Советской литературе» и Гослитиздате (на титуле – 1935 г.)). И уже в 1934 г. вышло пятое – дополненное – издание романа [Павленко 1934], в котором недвусмысленно прочитывается подробное знакомство Павленко с текстом французского дебютанта. Осмелимся также предположить, что мнение Павленко, не всегда добросовестно подходившего к проверке фактической точности собственных суждений, могло основываться и на утверждениях Олеша о художественной ценности «Путешествия...»,

по-видимому, неоднократно озвученных им в кругу коллег. Высокую вероятность развернутых комплиментарных оценок романа косвенно подтверждают многочисленные фрагменты сходного толка, уже после смерти Олеши собранные и опубликованные в книге «Ни дня без строчки: Из записных книжек» (М.: Советская Россия, 1965), – множество подобных фрагментов, посвященных русскоязычным и переводным текстам, опубликовано в разделе «Золотая полка» [Олеша 1965, 187–272], где имя Селина, однако, отсутствует. Словом, парадоксальная оценка, взятая сама по себе, не оставляет решительно никакой возможности быть понятой на фоне конкретного историко-биографического материала.

Впрочем, внятному объяснению противится и сам жест Павленко, который, с одной стороны, явно стремился в очередной раз нанести репутационный удар по «конкуренту», но, с другой стороны, преследовал и более абстрактную цель, связанную с сегментацией советского эстетического пространства. Указывая на связь Олеши с Селином, Павленко, по-видимому, адресовался к критическим всполохам конца 1920-х гг. Так, в № 6 «На литературном посту» за 1928 г. Я.Е. Эльсберг (1901–1976) в статье «“Зависть” Ю. Олеши как драма современного индивидуализма» писал о многочисленных сближениях поэтики «Зависти» Олеши с эстетическими принципами, реализованными в «Школе равнодушных» (*L'École des indifférents*, 1911; на русский язык «Школа равнодушных» была переведена в 1927 г. [Жироду 1927]) И.-Ж. Жироду (1882–1944):

Между Ж. Жироду и Ю. Олешей много точек соприкосновения. <...> Нашей задачей сейчас вовсе не является дать характеристику творчества Ж. Жироду. Но исключительное внимание его к преломленному и расцвеченному изображению, использование для этого концентрируемых потоков света, игры теней, отражения в зеркалах (понимая «зеркало» опять-таки широко) – эти приемы художественно-образового преломления несомненно налицо у французского писателя и также несомненна близость к нему в этом смысле Ю. Олеши.

Бесспорно также, что Ж. Жироду еще гораздо более тонок и изощрен в том перевоплощающем декорировании вещей и людей, которое так важно и в творчестве Ю. Олеши.

<...> Жироду и Олеша не проникают вглубь явлений. Правда, Жироду считает именно такой подход к жизни более глубоким, и, действительно, такой подход лишен, во всяком случае, мистики, но для нас, знающих, что только материалистический художественный метод может позволить художнику сделать подлинно-значительные открытия, для нас совершенно ясно, что одним таким способом писатель никогда до настоящих глубин социальной жизни не дойдет. Этот метод дал превосходные результаты в «Зависти» потому, что он укладывался целиком в психологию кавалеровщины <...>.

<...> Ю. Олеша не должен забывать, что он работает в СССР, Жироду же в капиталистической Франции. Кавалеров пришел к «равнодушию» т. е. к обывательщине, а Жироду возвел «равнодушие» на высокий эстетический пьедестал, создав «Школу равнодушных» [Эльсберг 1928, 49–50].

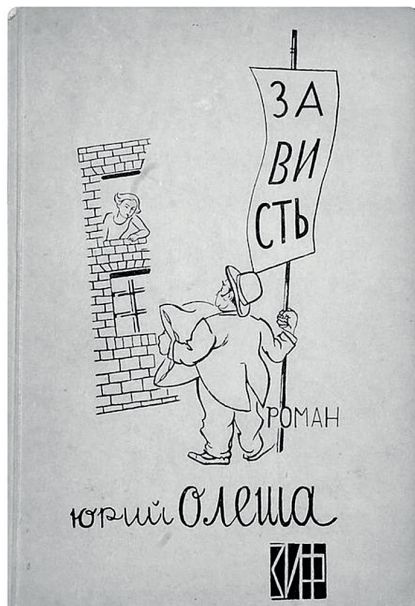
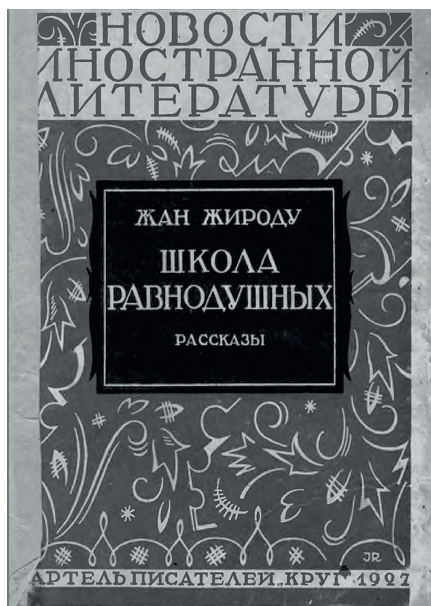

Рис. 1–2. Жироду Ж. Школа равнодушных / пер. с фр. З.А. Вершининой. [М.]: Артель писателей «Круг», 1927; Олеся Ю.К. Зависть / с рис. Н.И. Альтмана. М.; Л.: ЗиФ, [1928].

(Отметим, что фигура Жироду во второй половине 1920-х оказалась важной для критиков не только пролетарской ориентации, – см.: [Рыкова 1928; Песис 1929].)

Для Павленко, безусловно имевшего в виду и этот публицистический выпад Эльсберга, в ситуации 1930-х гг. было не столь важно, кто именно был «идейным вдохновителем» Олеши, – Жироду или Селин. Важным становился тот факт, что «вредоносное, разлагающее влияние» на советскую литературу происходит посредством «губительных» экспериментов над реалистической литературной формой.

Таким образом, не только отрицание важнейшей потебнианской идеи о невозможности «порчи» в искусстве, но и подспудная дискуссия о реалистической литературной форме и реалистическом же мировоззрении определили возможность появления множества, на первый взгляд, причудливых полемических реплик, к числу которых относится и приведенная нами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Фадеев. Письма и документы: Из фондов Российского Государственного Архива литературы и искусства. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2001. 359 с.

2. Архив А.М. Горького. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936) / Подгот. текстов и коммент. А.Д. Михайлова и др. М.: Наследие, 1995. 543 с.

3. Баруздин С.А. Люди и книги. М.: Советский писатель, 1978. 326 с.
4. Бочачер М.Н. В тупике // Октябрь. 1934. № 8. С. 178–182.
5. Выгодский Д.И. [Рец. на:] Л.Ф. Селин. Путешествие на край ночи // Звезда. 1934. № 10. С. 174–175.
6. Галушкин А.Ю. «И так, ставши на костях, будем трубить сбор...»: К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1928–1930 гг. // Новое литературное обозрение. 2000. № 4 (44). С. 136–192.
7. Галушкин А.Ю. Неудавшийся диалог: Из истории взаимоотношений формальной школы и власти // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М.: [Б. и.], 1992. С. 210–217.
8. Гальперина Е.Л. Селин и конец буржуазного реализма // Литературная газета. 1934. 22 июня. № 79 (395). С. 3.
9. Гальцова Е.Д. Западные писатели-модернисты в журнале «Литературный критик»: Пруст, Джойс, Дос Пассос // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов: Исследования и архивные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 669–686.
10. Гальцова Е.Д. Пруст и русская (советская) теория романа 1920–1930-х годов // Россия и Франция XVIII–XX вв.: Лотмановские чтения. М.: РГГУ, 2013. С. 363–387.
11. Дижур И. Смерть в кредит или жизнь за наличные // Интернациональная литература. 1936. № 8. С. 146–148.
12. Е.Г. <альперина> «Смерть в кредит» (О новой книге Луи Фердинанда Селина) // Интернациональная литература. 1936. № 7. С. 189–191.
13. Жироду Ж. Школа равнодушных / пер. с фр. З.А. Вершининой. [М.]: Артель писателей «Круг», 1927. 160 с.
14. Левидов М.Ю. Библиография: новые книги // Известия. 1934. 5 июля. № 155 (5403). С. 4.
15. Лейтес А.М. Злость или ненависть? // Литературная газета. 1935. 29 июля. № 42 (533). С. 2.
16. Лейтес А.М. Потерянная и обретенная родина // Правда. 1934. 31 июля. № 209 (6095). С. 4.
17. Люкшин Д.А. Между сюрреализмом и соцреализмом: статьи и судьба Сергея Ромова // Искусствознание. 2023. № 1. С. 180–217.
18. «Марксизм и формальный метод» 6 марта 1927 г. // Новое литературное обозрение. 2001. № 4 (50). С. 247–278.
19. Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 1023 с.
20. Никулин Л.В. Луи-Фердинанд Селин // Правда. 1935. 8 августа. № 217 (6463). С. 5.
21. Олеша Ю.К. Беседа с читателями, 16 апреля 1935 г. // Литературный критик. 1935. № 12. С. 152–165.
22. Олеша Ю.К. Ни дня без строчки: Из записных книжек. М.: Советская Россия, 1965. 304 с.
23. Олеша Ю.К. «Путешествие на край ночи» (роман Л. Селина) // Литературное обозрение. 1936. № 20. 25 октября. С. 13–15.
24. Павленко П.А. Баррикады: [Парижская коммуна 1871 г.]. 5-е изд., доп. М.: Гослитиздат, 1934. 216 с.
25. Песис Б.А. Жан Жироду // Новый мир. 1929. № 3. С. 185–198.

26. Рыкова Н.Я. Жан Жироду // На литературном посту. 1928. № 20–21. С. 76–80.
27. Соболевский Н.Д. Книга отчаяния и смерти // Новый мир. 1934. № 9. С. 170–180.
28. Фрид Я.В. Разговор на краю ночи // Литературный критик. 1934. № 7–8. С. 136–152.
29. (а) Цыганов Д.М. Первые шаги к «всечеловеческому братству»: Эпизод из истории издания иностранной литературы в Советской России (1917–1922 годы) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 86–101.
30. (b) Цыганов Д.М. «Путешествие на край советской ночи»: К истории публикации дебютного романа Л.-Ф. Селина в СССР (1930-е годы) // Литературный факт. 2024. № 3. С. 416–436.
31. (с) Цыганов Д.М. Сила отрицательного примера: Луи-Фердинанд Селин и «генеалогия» соцреалистического литературного проекта (Заметки к теме) // Новый филологический вестник. 2024. № 4. С. 310–321.
32. Эльсберг Ж. «Зависть» Ю. Олеши как драма современного индивидуализма // На литературном посту. 1928. № 6. С. 39–51.
33. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit: Seul Manuscrit / Édité par Régis Tettamanzi. Québec: Saints Pères, 2016. 531 p.
34. Tihanov G. Viktor Shklovskii and Georg Lukács in the 1930s // The Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. № 1. P. 44–65.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Galushkin A.Yu. “I tak, stavshi na kostyakh, budem trubit’ sbor...”: K istorii nesostoyavshegosya vozrozhdeniya Opoyaza v 1928–1930 gg. [“And So, Standing on the Bones, We Will Sound the Rally...”: On the History of the Failed Revival of Opoyaz in 1928–1930]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2000, no. 4 (44), pp. 136–192. (In Russian).
2. Lyukshin D.A. Mezhdru syurrealizmom i sotsrealizmom: stat’i i sud’ba Sergeya Romova [Between Surrealism and Socialist Realism: The Articles and Fate of Sergei Romoff]. *Iskusstvoznaniye*, 2023, no. 1, pp. 180–217. (In Russian).
3. Tihanov G. Viktor Shklovskii and Georg Lukács in the 1930s. *The Slavonic and East European Review*, 2000, vol. 78, no. 1, pp. 44–65. (In English).
4. (а) Tsyganov D.M. Pervyye shagi k “vsechelovecheskomu bratstvu”: Epizod iz istorii izdaniya inostrannoy literatury v Sovetskoy Rossii (1917–1922 gody) [The First Steps to “Brotherhood of All Humanity”: An Episode from the History of Publishing Foreign Literature in Soviet Russia (1917–1922)]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2024, vol. 83, no. 4, pp. 86–101. (In Russian).
5. (b) Tsyganov D.M. “Puteshestvie na kray sovetskoy nochi”: K istorii publikatsii debyutnogo romana L.-F. Céline v SSSR (1930-e gody) [“Journey to the Edge of the Soviet Night”: Towards the History of the Publication of L.-F. Céline’s Debut Novel in the USSR (1930s)]. *Literaturnyy fakt*, 2024, no. 3, pp. 416–436. (In Russian).
6. (с) Tsyganov D.M. Sila otritsatel’nogo primera: Louis-Ferdinand Céline i “genealogiya” sotsrealisticheskogo literaturnogo proyekta (Zametki k teme)

[The Power of the Bad Example: Louis-Ferdinand Céline and the “Genealogy” of the Socialist Realist Literary Project (Side Notes)]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2024, no. 4, pp. 310–321. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Galushkin A.Yu. Neudavshiysya dialog: Iz istorii vzaimootnosheniya formal'noy shkoly i vlasti [Failed Dialogue: From the History of the Relationship between the Formal School and the Authorities]. *Shestyye Tynyanovskie chteniya* [The Sixth Tynyanov Readings]. Riga, Moscow, 1992, pp. 210–217. (In Russian).

8. Gal'tsova E.D. Zapadnyye pisateli-modernisty v zhurnale “Literaturnyy kritik”: Prust, Dzhoys, Dos Passos [Western Modernist Writers in the Journal “Literary Critic”: Proust, Joyce, Dos Passos]. *Postizheniye Zapada. Inostrannaya kul'tura v sovetskoy literature, iskusstve i teorii 1917–1941 godov: Issledovaniya i arkhivnyye materialy* [Understanding the West. Foreign Culture in Soviet Literature, Art, and Theory, 1917–1941: Research and Archival Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 669–686. (In Russian).

9. Gal'tsova E.D. Prust i russkaya (sovetskaya) teoriya romana 1920–1930-kh godov [Proust and the Russian (Soviet) Theory of the Novel of the 1920s and 1930s]. *Rossiya i Frantsiya XVIII–XX vv.: Lotmanovskie chteniya* [Russia and France in the 18th – 20th centuries: Lotman's Readings]. Moscow, RSUH Publ., 2013, pp. 363–387. (In Russian).

Цыганов Дмитрий Михайлович,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Научный сотрудник Отдела рукописей ИМЛИ РАН.

Научные интересы: институциональная история сталинской культуры, исследования в области соцреалистического канона и «литературного быта» 1920–1950-х гг., интеллектуальная история, советско-западные литературные связи и контакты.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6633-3401

Dmitry M. Tsyganov,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Researcher at the Manuscripts Department of the IWL RAS.

Research interests: institutional history of Stalinist culture, studies in the field of socialist realist canon and “literary byt” of the 1920s–1950s, intellectual history, Soviet-Western literary relations and contacts.

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6633-3401